

Владимир Шилейко

Пометки на полях

Стихи

Источник: В.Шилейко Пометки на полях. Стихи. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999, сс. 49-159. Публикация И.В.Платоновой- Лозинской. Подготовка текста и примечания А.Г.Меца. OCR: В.Есаулов, 07 октября 2002 г.

М.Лозинскому,
дружественному небожителю

I

1.

* * *

...И в час, когда тоску труда
Переплывает смутный гений, -
Душа взмывает иногда
В туманах темных вдохновений.

1914

2.

* * *

Здесь мне миров наобещают,
Здесь каждый сильный мне знаком,
И небожители вещают
Обыкновенным языком.
Степенный бог провести друга
Приходит здесь: поклон, привет -
И поднимаются в ответ
Слова, как снеговая вьюга.

1914

3.

* * *

"Так вот кому летать и петь"

Смущенно думаю о нем:
Всех человечней, всех хмельнее,
Он мне приводит в память дом
На белых улицах Элеи, -

Приятный человеку дом,
Созданье, думается, Ксанфа:
Над ионическим стволом
Там веет листьями аканфа.

1914

4.

* * *

"Наклонись, обрадуйся, исчезни!"

Его любовь переборолась,
Его восторг перегорел,
И странно слышать мертвый голос,
Зовущий радостный удел.

Но в нем одном могу найти
Всё, что старинно, что любимое, -
Так на полуночном пути
Ловлю шаги прошедших мимо.

1914

5.

* * *

"Perque dies multos lateris
cruciatibus uror..."

Люблю живую суету,
И если вдруг бегу мгновений, -
Не потому, что за черту
Ступаю и богов, и теней.

Но с высоты моей видней,
Как этот, огненный от муки,
Сквозь темень непроглядных дней
Простер пылающие руки.

1916

6.

* * *

"...Последним
Из царскосельских лебедей"

Еще дрожат пустые воды -
А он, старинный, воспарил:
Далече мчит в немые своды
Седую славу милых крыл.

Что ж, к далям родственным и душным
С тобой привет мой долетит?
Или тебя в пути воздушном
И голос мой отяготит?

1916

7.

* * *

"Так беспомощно грудь холодела..."

Еще болезненно-свежа
Была печаль ночной разлуки,
Еще высокая душа
Дрожала в напряженной муке, -

И чудно всё в словах слилось,
И через годы - помертвелый
И горький голос их понес,
Как ветер боя носит стрелы.

1914

8.

* * *

"В лесу не молкнет птичий гам"

Кругом не молкнет птичий голос -
А посмотри, какая синь!
И спеет плод, и зреет колос,

Впивая дивную теплынь.

На солнце ключ бежит, усердный,
И этот зной, и эта тишь -
Земля, земля! Ты милосердна,
Ты полной мерою даришь!

1915

9.

* * *

"Odi profanum vulgus"

Я не ищу приветствий черни
И пышной жизни не хочу, -
Брожу по улицам вечерним,
Пустые песни бормочу.

Сурова бедная порфира,
Невелика земная честь, -
Но у стола богатых мира
И мне, наверно, место есть.

1915

II

10.

ИОВ II,9

Ничего не просил у Бога, -
Знал, что Бог ничего не даст;
Только пристально так и строго
Все смотрел на красный закат.

За спиной жена говорила:
"Что ты смотришь так? Что стоишь?
Прокляни Господнее Имя
И с закатом, с темным, умри!"

Не хотел. И был без надежды,
И опять не хотел, - не мог.
Только ветер срывал одежды
Да вздымал горячий песок.

1913

11.

ИЕЗЕКИИЛЬ, XXXVII, 1-3

Неживые, легли в песках -
И ни топота больше, ни молви.
Ветер только слово промолвил -
Неживыми легли в песках.

Неживые, лежат и ждут -
Воскресения, что ли, какого?
Ветер только вымолвил слово -
Неживые, лежат и ждут.

И упал в стороне один, -
И в убитом - какая тревога!
Он хотел убежать от Бога -
И упал, в стороне, один.

А другие простерлись ниц -
И главы закрывали руками...
Черный коршун взмыл над песками
Но, слепые, простерты ниц.

Ветер даже и пыль с костей
Закружил и унес и рассеял, -
Ветер даже и пыль развеял,
Даже мертвую пыль с костей.

Тленье смерти на вечные дни -
И ни топота больше, ни крика! -
Ничего, кроме Божьего Лика

...А в аду зажжены огни.

1915

12.

ЛЬВИНАЯ СТАРОСТЬ

Н. Гумилеву

Неоскудевшею рукой
И тварь пустынная богата, -
Есть даже львам глухой покой

В пещерах дальнего заката.

Живите с миром! Бог велик,
Ему открыты дни и миги -
Архангел каждый львиный рык
Пером записывает в книге.

Трудам пустынным меры есть,
И если лев исполнил меры -
Приходит Ангел льва увести
В благословенные пещеры.

И где вспоет водомет
Неопалимые долины, -
Там Ангел тщательный блюдет
Святые львиные седины.

1915

13.

* * *

Влачится - у! - через волчец,
Скрывая рваную порфиру:
Ее привел сюда Отец
И водит за руку по миру.

Она и жизнью не живет,
Она и мерою не мерит, -
На всех углах поклоны бьет,
На церкви крестится, и верит, -

Уж так ничтожна и тиха,
Как будто мертвого омыла,
Как будто имя жениха
Неумолимо позабыла.

1916

14.

* * *

Томительно люблю цветы,
Старинной, длительной любовью,
Люблю их крепкие листы,
Живущие зеленой кровью.

Благоговея, чуть дыша,
Я разворачиваю свиток
Пафосских лилий, чья душа -
Благоухающий напиток.

Палладий сладостных чудес,
Сафо, поющая Фаона, -
Какой подарок! Даже Крез
Таким не даривал Солона.

О, ваза хрупкая моя!
Прими, прошу, гостей блаженных,
Как бы иного бытия
Былым лучом запечатленных!

1914

15.

ЛИЛИИ

Сияя светом диадем,
Два лучших сердца в дланях Бога
Хранят томящийся Эдем,
Свершают стражу у порога.

Они глядят на мир живых,
Неопалимы в белом зное, -
Как очи звезд сторожевых
Взирают с неба на земное.

Они глядят - и меркнет час,
И вся душа - в руках печали,
И веру словно в первый раз
Престольной скорбью увенчали.

1916

III

16.

* * *

"Si jeunesse savait,
Si vieillesse pouvait!"

Седенький книжный торговец
Хмурые книги раскрыл,
Мудростью пыльных пословиц
Серое сердце кормил.

Так утешительных мало -
Только одна и мила:
"Если бы молодость знала,
Если бы старость могла!"

1915

17.

* * *

...Как бы обмануто собой
Утра зловещее начало:
Так этот страшный мне примчало?
Какою дикою судьбой
Мрак этот страшный мне примчало?

И на звенящие весы
Восходит полдень мерным кругом -
А ты подумаешь с испугом:
Вторую полночь бьют часы...

1915

18.

* * *

Распался в прах перед огнем -
И тем упорней остываю,
Тем с каждым годом, с каждым днем
Всё миротворней забываю.

И только, сердце, помнишь ты
В том вешнем небе, в синей буре
Неомраченные цветы,
Стократ бездоннее лазури.

1916

19.

* * *

Ты замечал, как в вечер строгий,
Прощальной ласкою Харит,
Горячий камень при дороге
Огнями красными горит?

Так мне бывшее возвращает
Неповторимые черты,
Так память искренней мечты
Меня всё чаще посещает.

1916

IV

20.

* * *

"...Мы живем торжественно и трудно"

Живу томительно и трудно,
И устаю, и пью вино.
Но, волей грозной, волей чудной
Люблю - сурово и давно.

И мнится мне, - что, однодумный,
В подстерегающую тень
Я унесу - июльский день
И память женщины безумной.

1916

Дополнения

21.

* * *

Кровавость губ, покрашенных кармином,
Какой *pedant* к напудренности щек!
В кадансе слов - ритмический смычок,
Соблазны ног - под пышным кринолином.

Глаза горят в менисках темных арок,
И строгих плеч так серебрист отлив,
Но - вырез груди слишком прихотлив,
И пьяный зной улыбки слишком ярок.

Изыскан тонкий запах Rose d'Orsay;
В изгибе бедр живет античный мрамор...
Зеркал эпиграфический музей
И над альковым надпись: "Vincit Amor".

<ранее 12 марта 1913>

22.

ВЕЧЕРНЕЕ

...И когда вечерние тени
Совсем золотыми станут -
Неужели мои сирени
В бокале завянут?

За любовью всегда печали,
Уходящий отмечен следом...
Для тебя ли они дышали
Взволнованным бредом?

Весна 1913. Петербург

23.

* * *

"И дал мне три гвоздики,
Не поднимая глаз..."

Ужель "не поднимая глаз"?
Уж он и глаз поднять не смеет!
На этой строчке каждый раз
Душа покойно вечереет.

Какая солнечная грусть,
Какая буря в мире малом!
И, улыбаясь, наизусть
Твержу об этом даре алом;

Я чудо милое сберег
Среди иных воспоминаний,
Как ты засушивал цветок
В угрюмых томах без названий.

<1913>

24.

* * *

Я думал: всё осталось сзади -
Круги бессмысленных планет,
Страницы порванных тетрадей,
Я верил: будущего нет.

Так я темно и слепо верил,
Так обручил себя судьбе,
Сказал обет и запер двери,
А ключ, Господь, вручил Тебе.

Ты видел все мои года
За Книгою о Беспредельном,
Все ночи страшного труда,
Все слезы о труде бесцельном.

Господь, Ты знаешь, сколько раз
В моих дверях томился кто-то,
Я верил: не придет Суббота,
И не отвел от книги глаз.

Так верил. Но она пришла,
И было это так: весь вечер
Над Иовом я теплил свечи
И пел священные слова.

И вдруг забыл последний стих,
И вот упал в крови и в поте,
Вот в криках бился, вот жених, -
Жених во сретенье Субботе!..

Безумие поет, звеня
Неистовыми голосами.
Теперь конец. Убей меня
Неумолимыми глазами.

1 января 1914.

Петербург

25.

ТРИОЛЕТЫ

I

Михаиле Леонидыч, где ты?
Ко мне твой Гуми пристаёт.
Он не пустил меня в поэты
(Михаиле Леонидыч, где ты?),
Он посадил меня в эстеты,
Еще и снобом назовет!
Михаиле Леонидыч, где ты?
Ко мне твой Гуми пристаёт!

II

Нет, Николай Степаныч, дудки!
Своей фортеции не сдам.
Так ты решил, что это - шутки?
Нет, Николай Степаныч, дудки!
Теоретической погудке
Найдется вторить Мандельштам.
Нет, Николай Степаныч, дудки!
Своей фортеции не сдам.

III

Меня Сергей Маковский любит,
Готовый даже на аванс!
Пушай Гум-гум, что хочет, трубит,
Меня Сергей Маковский любит,
Венец надежд во мне голубит,
И жизнь моя - сплошной роман-с!
Меня Сергей Маковский любит,
Готовый даже на аванс!

IV

О чем же думать, в самом деле?
Живу просторно и тепло,
Имею стол, и сплю в постели, -
О чем же думать, в самом деле?
А если солнце мыши съели -
И с электричеством светло!
О чем же думать, в самом деле?
Живу просторно и тепло.

26.

* * *

Уста Любви истомлены,
Истончены ее уборы,
Ее безвинной пелены
Коснулись хищные и воры.

И больно видеть, что она
В пирах ликующего света
Глухим вином напоена
И ветхой ризою одета.

Поет и тлеет злая плоть.
Но знаю верой необманной:
Свою любимую Господь
Возвысит в день обетованный -

И над огнями суеты
Она взойдет стезей нестыдной,
Благословеннее звезды
В сияньи славы очевидной.

<сентябрь 1914>

27.

МУЗА

Ты поднимаешься опять
На покаянные ступени
Пред сердцем Бога развязать
Тяготы мнимых преступлений.

Твои закрытые глаза
Унесены за край земного,
И на губах горит гроза
Еще не найденного слова.

И долго медлишь так - мертва, -
Но в вещем свете, в светлом дыме
Окоченелые слова
Становятся опять живыми -

И я внимаю, не дыша,
Как в сердце трепет вырастает,

Как в этот белый мир душа
На мягких крыльях улетает.

4 сентября 1914. Псков

28.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

На сердце опять захолонуло
Жуткою, знакомою прохладой;
Это ты незримо взметнула
Крыльями за белою оградой.

Это ты, Невидящие Очи,
Полыхнула пыльными шелками;
- Призрак! не дождавшись даже ночи,
Взмыла лебедиными руками.

Даже ночи, призрак! не дождавшись,
На пути настигла, на дороге,
И звенишь, звенишь, в углу прижавшись,
Голосом таинственным и строгим.

Он вернется к твоему покою,
Он тоскует в сумраке невнятном...
- Хорошо мне говорить с тобою
Языком, тебе одной понятным!

16 сентября 1914. Петербург

29.

1914

Лети, летящая, лети!
Ее теперь не остановишь,
И на подкупленном пути
И в Черном море не изловишь.

Уже не тщитесь! Ей одной
Дано от Бога быть летучей, -
И перед грозною войной
Беременеть грозовой тучей.

Она избыла свой урок:
То вещего раскаты грома
Ее терзали в страшный срок

Четырехлетнего разгрома.

Отцы, спаленные в огне,
Теперь искуплены детьми.
О сердце! Ты ступаешь не-
исповедимыми путями...

Не говорите ни о чем!
Священный враг уже заколот,
Уже архангельским мечом
Низринут в вековечный холод.

Она к последнему идет,
Судьба вершится роковая, -
И бездна бездну наведет,
Звериным голосом взывая.

16 сентября 1914. В вагоне

30.

"Есть кто-то черный; он догонит"
О. Мандельштам

DELIRIUM

Еще не порываю нить,
Меня скрепляющую с вами;
Еще умею говорить
Обыкновенными словами;

Но чувствую уже недуг,
Уже речам внимаю странно,
И непонятно, бездыханно
Глаза остановил испуг...

26 сентября 1914. Петербург

31.

* * *

Опять, опять ты появился!
Деревянный старый дом!
Здесь Пушкин в древности родился
И написал стихов здесь том!

Ведь я такой же одинокий

Как и Пушкин я поэт!
И упаду я в гроб жестокий!
В поединке в двадцать лет!

<сентябрь 1914>

32.

ВЕЧЕРНЕЕ

Глаза, не видя, смотрят вдаль,
Знакомой болью ноет тело, -
Какая острая печаль,
Тоска какая налетела!

И что случилось? - Всё равно,
Сам позабыл... Плывет дремота...
Но только знаю, что давно, -
Еще вчера, томило что-то.

Не вспомнить, нет! А день к концу:
Уже слуга приносит свечи,
И теплый сумрак льнет к лицу...
Сегодня будет длинный вечер!

4 октября 1914. Петербург

33.

* * *

"Nam castum esse decet pium poetam
Ipsum, versiculos nihil necesse est"
Catulli Carm. XVI

Все вечера томительны и жгучи -
Этот горел упоеннее всех...
Разве я знал, что даже пафос мучит
Горьким соблазном стыдных утех?

Разве я знал, что мы - уже не дети?
Страшно смотреть на твое торжество...
Сердце болит сильнее всего на свете -
Сердце устало больше всего.

4 октября 1914

34.

СОФОКЛ

В смягченном стиле Парфенона
Он - тоже дорика, Софокл!
Он озарил пути Закона
Огнями разноцветных стекл.

Когда уходит Антигона
Прах Полиника хоронить -
Никто не знает, что Креона
Решили боги погубить.

6 октября <1914>

35.

САФО

- Затяните мне котурны туже! -
Женщина, единственная здесь!
В этом доме, ведающем мужей,
И тебе, я вижу, место есть.

И тебе, я вижу, будет место
У стола героев и богов;
Человеку сладкая невеста,
Здравствуй, Огорченная Любовь!

6 октября 1914. Петербург

36.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ

Каким еще заговорю с тобою
Особенным, нездешним языком,
Каких миров какую весть открою,
Другой судьбы пленительный закон?

...А посмотри: в осенней светлой луже
Как бы движенье, трепет и круги;
Как ты рассудишь: это ветер тужит -
Или душа позвала: "помоги"?

8 октября 1914. Петербург

37.

* * *

Такого пламенного горя
Не в силах сердце перенести!
Все птицы улетели в море -
Моя одна осталась здесь.

Все птицы в море улетели -
Моя, без крыльев, не могла, -
Осенней, ветряной свирели
Свое дыханье отдала.

Смотрю на маленькое тело,
Такое жадное вчера...
Малышка! Тоже улетела, -
В Немеркнущие Вечера.

...Так я, оставленный тобою,
Мой сероглазый, нежный брат,
Уж вижу Небо голубое,
Уж не дождусь тебя назад.

13 октября 1914

38.

* * *

О. П. Снегиной

Душа бездетна и убога -
Ты знала всё, когда входила,
Когда запела у порога
Двумя размахами кадила.

О чем же плачешь так звеняще,
В стеклянном сердце что за горе,
Когда печаль, как дым летящий,
Исчезнет в голубом просторе?

<октябрь 1914>

39.

* * *

Я помню. Слышишь ли меня?
Я помню. Не прощай, не надо.
Возврату тягостного дня

Уже не будет сердце радо.

Я подымаю в темноте
Зовущий голос. Только птицы
Кричат страшнее, только те,
Что вдруг пугаются зарницы.

В пустынях есть свои суды,
Здесь призывают без ответа.
Куда пойду из темноты?
Так лучше - не увидеть света.

Вот, набираю в горсть камней -
И замыкаю оба века.
Теперь ты знаешь, сколько дней
Болело сердце человека.

<октябрь 1914>

40.

* * *

Завернувшийся в черное горе
Позарился на бедность невежды,
Уподобился буре над морем
И унес паруса надежды.

Вот и кончены дни мои.
Правы Уходящие в сумрак молелен -
Да, действительно, люди - как трав!
Мимолетная дольная зелень.

<октябрь 1914>

41.

* * *

Н. Гумилеву

Могу познать, могу измерить
Вчера вменявшееся в дым;
Чему едва ли смел поверить,
Не называю ль сам былым?

Хотя бы всё безумье ночи
Мир заковало б в мрак и в лед -

А дух повеет, где захочет, -
И солнце духа не зайдет!

18/XII <1914>

42.

* * *

Не всё ль, что в юности умел,
Чему Отец в годах наставил, -
И крайней верой пламенел,
И прорицал, и пел, и славил.

А нынче знаю - пользы нет,
Не видеть стен Иерусалима...
И что скажу, какой привет,
Когда любовь проходит мимо.

<1915?>

43.

МЕТЕОРИТ
(Вторая эпитафия)

Есть вера духа, жадная, простая,
И верность сердца, взявшего свое.
Они стремят в другое бытие,
Они ведут, пути переплетая.

Но я не знал ни той ребячьей веры,
Ни этой скудной мудрости сердец,
Изгнанник неба, огненный гордец,
Я - косный камень. Только камень серый.

Чужой звезды неизменный сплав,
Тяжелый гул падением создав,
Я опочил бессмысленно и праздно -
И вопию, и славлю безобразно.

8 марта 1915

44.

* * *

Господь мой! Видишь, как Тебе
Всё сердце, вся душа открыты,

В одной возвышенной мольбе,
В благословляющей, излиты.

Ты наделил мои года
Однообразною дремотой,
Упорством крайнего труда,
Стыдом, и страхом, и заботой.

Но ЭТУ жизнь наполнил
Ты Такой неслыханной мечтою,
Такое небо красоты
Раскрыл в ней повестью простою,

Что как могу благодарить
За это огненное счастье, -
Ее святую близость пить,
Вино вечернего причастья?

8 марта 1915

45.

* * *

Как орлиные крылья, раскрылся Коран,
Завернувшийся в луны поклялся о Боге -
И душа ужасалась на страшном пороге,
И душа трепетала от пламенных ран.

Но упавшее сердце молило чудес,
И дрожащая птица в упорном усилии
Забивалась в травы от грозных небес,
Где раскрылись, как книга, орлиные крылья.

<1915?>

46.

ANDANTE DOLOROSO
E MOLTO CANTABILE

Что горестней, что безнадежней
Глубокой осенней печали,
Тоски по надежде,
Неровных падений листа?

Подумай: и сам ты - не прежний,
Когда и уста замолчали,

Любившие прежде,
Любимые прежде уста.

Большими-большими глазами
Взглянув утомленно,
Наохлилась хворою птицей,
Уснула усталая боль.

Сентябрь дождевыми слезами
Шумит монотонно,
И сердце горит и томится
И бьется под гнетом неволь.

Я продан, я предан, я выдан
Упорным осенним скитаньям, -
И знаю, и скрою,
Что тайно торопится срок.

Шепну полоумным раkitам -
И внемлю ответным рыданиям,
И мертвой рукою
Сплетаю холодный венок.

Венчайте, венчайте, венчайте,
Измокшие травы,
Венчайте немилого сына
Ледяной и рдяной тоской.

Веселые гости, прощайте!
Я выпил осенней отравы -
И дрогну, и стыну,
И хлыну свинцовой рекой.

<1916?>

47.

* * *

Как небу вешнему - ликующие грозы,
Как лавры смуглые - венчанным хитрецам,
Как пламенный восторг - лирическим певцам,
Так дому твоему приличествуют розы.

Но пурпур женственный не расцветал окрест,
Где, скованная, льдам покорствует природа, -
Прости, что темный я, из темного народа,

Несу невзрачный дар - цветок венка невест.

Как жалко смотрит он, смущением объятый,
Как жадно смотрит он, тревоги не тая,
Безмолвствуя, смятен! - Так озираясь я,
Так изумлялся я на этот край богатый.

1916

48.

* * *

Mais o'u sont les neiges d'antan?

Больного сердца переливы,
Чужой не тронуты рукой,
И этот, долгий и ленивый,
Почти что царственный покой, -

Всё, что приснилось в странной неге, -
Ушло, и я один стою
Живого света на краю
И плачу о прошедшем снеге.

17.IV.1916

49.

* * *

Графине Е. П. Шереметевой

Ее весна плыла когда-то
И в обаянии первых гроз;
Но солнце бледного заката
Не обожгло старинных роз...
И дням безумным и неправым
Приносит дивная она
Былое гения и славы
И роковые имена.
В ней сирий лебедь допевает
Свою судьбу - и темный внук,
Как очарованный, внимает
Ее речей приветный звук.
А сердце бьется: неужели
На этой памяти затих
Последний, горький вздох Рашели

И Пушкина последний стих?

29 июня 1916

50.

* * *

Когда бы я имел лорнет
И звался именем Марии,
Я запустил бы в Вас, поэт,
Тяжелым камнем Ассирии.

<1916>

51.

* * *

Хозяин скуп, жнецы ленивы,
А с неба - холод и дожди;
Обречены страстные нивы -
Ни одного зерна не жди.

И нет мучительней обузы,
Чем всходы вечности - на миг...
Оставь меня, - без дум, без книг,
Оставь, - беспамятным, без музыки!

1916

52.

* * *

Увял, увял цветущий мир, -
О вы, осенние мятели,
Скажите струнам гневных лир,
Какие розы облетели!

О только, сердце, помни ты
В том вешнем небе, в синей буре
Неповторимые цветы,
Стократ бездоннее лазури!

1916

53.

* * *

Как путник при конце дороги
Обозревает прошлый путь,
Как мытарь на святом пороге
Волненьем веры полнит грудь -

Так мне бывшее возвращает
Неповторимые черты,
Так память искренней мечты
Меня всё чаще посещает.

<1916?>

54.

* * *

И снова с горькою гордыней
У клироса на коврик стать,
И у немислимой святыни
Без мысли кликать благодать.

А после - выпрямиться строго,
Немой укор обвести окрест,
- И снова, снова у порога
Всю жизнь обжечь о медный крест.

1916

55.

* * *

Т.Б.Лозинской

С полуотравой мадригала
В незаполнимые часы
Моя рука соединяла
Сарона чистые красы,

И эту музыку когда-то -
Разгадку скрытницы-земли -
Четыре ветра обрели
В сухих полях Иосафата.

4 декабря 1916

56.

* * *

Последним дням не прекословь,
Судьба по-новому богата:
Тебе - предсмертная любовь,
Мне - старый долг и честь солдата.

Тебе - огнем перегореть
И стынуть бронзовым кумиром,
А мне - безвестно умереть
В полях, недостижимых лирам.

31 мая 1917

57.

* * *

В простосердечии, на воздухе целебном
И тихой памятью оваян глубоко -
Ты стал совсем земным, ты стал совсем
волшебным,
Зашедший странно-далеко!

Ты внемлешь водопад безумной позолоты -
На хрупкий, на чудной олив эшафодаж:
За это золото не купишь ничего ты -
Да ни за что и не отдашь.

4-5 июля 1917. Феодосия

58.

* * *

Что вспоминать, о чем жалеть?
Судьба последнее гадает.
А я люблю еще глядеть,
Как в небе хмурый облак тает.

И на стемневшем берегу
Люблю прибоя шум унылый, -
От рубежа чужбины милой
Всё оторваться не могу.

<1917>

59.

* * *

Тысячелетний шаг вигилий -
А мы не кончим этот пир:
Ночь, из фиала черных лилий,
Дурманом опоила мир.

И в этой косности миража
Разуверенье не дано -
Кругом всё та же ночь и стража,
Всё то же темное вино.

1917

60.

СТАНСЫ ГОСПОЖЕ ***

Над мраком смерти обоюдной
Есть говор памяти времен,
Есть рокот славы правосудный -
Могучий гул; но дремлет он
Не в ослеплении броней медных,
А в синем сумраке гробниц,
Не в клетоте знамен победных,
А в тихом шелесте страниц.

Так! Наша слава - не былое,
Не прах засохшего венца:
Жив полубог, живут герои,
Но нету вещего певца.
И тех глубокодушных нету,
Кто голос лиры понимал,
Кто Музу, певшую до свету,
Как дар небесный принимал.

В ожесточенные години
Последним звуком высоты,
Короткой песнью лебединой,
Одной звездой осталась ты;
Над ядом губительного кубка,
Созвучна горестной судьбе,
Осталась ты, моя голубка, -
Да он, грустящий по тебе.

1 ноября 1917

61.

* * *

Ты думаешь, свечи скромней горят
Под черной, стыдной маской?
Ты думаешь, их тягучий яд
Покажется только сказкой?

А тот (я имя его забыл),
Вчерашний, бессильно-пьяный,
Что кривлялся и пел и страстно ныл
Над девушкой с свежей раной?

Он сам ее изранил, сам,
И всем говорил о победе,
Он припал при всех к ее ногам
В бессмысленно-грубом бреде.

Одну убили, одна умрет, -
Высокий дар обезглавлен!
А завтра и его черед
На всех площадях расславлен.

О, миртовый ужас ее венка,
О, безумие сказочной ивы!
Она утонула в других веках, -
Если хочешь, так будь счастливым!

Закрой полумасками все огни
И смейся.

62.

* * *

В века веков деннице онемелой
Запрещена небесная дорога:
Зловещая от жертвенного рога
Слетела тень звезды окаменелой.

Душа сгорела молниєю белой,
Застигнутая милостию Бога,
И, горькая, упала у порога, -
Свои не узнают оцепенелой.

И сердце, утрудившееся много,

Испепеленное, распалось: тленной
Да будет плоть, сочтенная неплодной,

И опустелой грудью и холодной...
Речется горе судиям вселенной,
Увы народам Гога и Магога.

63.

* * *

Нет, ты только подумай, какая тоска!
А ведь, может быть, это - последний вечер,
А ведь, может быть, завтра моя рука
Не протянется больше твоей навстречу, -
А ведь это была моя рука,
А сегодня настал последний вечер...

64.

* * *

Поседела, совсем изменилась,
Просветлела от горестных лет,
Только сердце тревожной забилося, -
Не узнал бы любимую, нет!

Только сердцу тревожной взгрустнулось
Не о том, что седая она, -
А о том, что она улыбнулась
И "Опять, - прошептала, - весна"...

65.

МОНАСТЫРСКОЕ

Опасайся вечерних врагов
И за книгами ночь не сиди:
Можно так не слышать шагов,
Что и с Нею ты будешь один.

А Она обойдет и найдет,
Заревую взовьет пелену
И в такую тебя уведет
Невозможную веру страну -

Что блаженным вернешься как раз.
А другие потом говорят,
Будто умер в задумчивый час

Нераскаянный брат.

66.

ХОККУ

1

О, речной затон!
В неподвижных камышах
Пена белеет...

2

Улетел мой сон!
Только ирис, голубой,
всё еще ярок...

3

Опадает лист!
Унесет еще один
ветер осенний...

4

Осень... ночь... луна...
Как играют на полу
тени от сосен!..

67.

ТАНКА

1

В глубине долин
навевает вновь печаль
соловиный плач...
Ах! Опять пришла весна,
кто же о том не знает?

2

Больше нет луны!..
И весна, что расцвела, -
уж не та весна...
Только я - увы! -

один всё остаюся прежним.

3

Из весны в весну
опадают и опять
расцветут цветы...
Я грущу, что наша жизнь
больше не повторится.

68.

* * *

.....

О чистом жребии моли:
Ты - царь в доме своем веселом,
Священник Богу на земли.

Дрожащих душ беги далече -
Равны ничтожный и гордец;
Господь восстал к плавильной печи
И плавит золото сердец.

И ты с такою простотою
Господень год переживи,
Чтоб каждый день пылал чертою
Необладаемой любви.

69.

* * *

Двенадцать бьет - и где твоя отвага?
Одна поет тоскующая медь,
И в светлом круге белая бумага
Велит не мочь, не сметь и не уметь.

А ты бы мог звенеть еще победней,
Себя бы мог решительней забыть...
Но вот запел, унылый и последний,
Глагол времен, перестающих быть.

70.

* * *

Не та уж ты, какой была,
Когда предстала мне впервые:

Тебя и годы огневые,
И суета сломить могла.

Да ведь и я давно не прежний:
И притомился, и зачах,
И радость встреч, в моих очах,
Всё отдаленней, безнадежней.

А всё ж еще сойдемся мы...
Но как сойдемся?
Ты, быть может,
От этих роц, где день твой прожит,
Уйдешь для вековечной тьмы;

И в дни, покорные безволю,
В мои томительные дни
Вонзятся страшные огни,
Обезображенные болью.

И, властью позднего стыда,
Воспряну, легкий и проворный,
Закрыть позоры жизни черной -
И не закрою никогда.

71.

* * *

Теперь оставь и гнев, и нежность,
И всё, чем сердце знало жить:
Одну пристойно сохранить
Торжественную безмятежность.

И все года переживи
С такой священной простотою,
Чтоб каждый день вставал мечтою
Необладаемой любви.

72.

* * *

Не потому ли, что один
Я оставался в полумраке,
Не потому ли, что камин
Бросал особенные знаки, -

А только странная мечта

Сверкнула памяти нежданно, -
И стала жизнь моя - не та,
И стала старая желанна.

Душа, забытое тая,
Неслась по новому раздолью -
И мне казалась боль моя
Прекрасно посланною болью.

Вот так сидеть бы у огня,
Вот так смотреть бы на поленья -
Минувших дней соединя
Давно разорванные звенья.

73.

* * *

Всё - тишина, и всё - покой.
Безмолвный час глубокий и долог...
Твоей ли нежащей рукой
Развернут сумеречный полог?

Без силы вышел на крыльцо.
Впиваю ночь - фиал Гекубы...
Мне веют холодом в лицо -
Твои ли нежащие губы?

О, я узнал тебя, мой вождь, -
И душных слез уже не надо...
Пролей мне, сердце, томный дождь,
Овей лилею вертограда!

74.

* * *

О, этот горький первый том,
Ничтожный, может, - и любимый,
Доставшийся с таким трудом,
С такою ревностью хранимый:

Художества высокий бред
Или ошибка за ошибкой, -
Но в них замученный поэт
Играет мертвенной улыбкой.

75.

* * *

Скажи, видала ль ненароком
На склоне года, в поздний день,
Пернатой Прокны над потоком
Неуспокоенную тень?

То долу вдруг она слетая
Узоры пишет в быстрине,
Как бы к летеиской припадая
Кипящей холодом волне.

То в непонятном страхе взмает
У небывалой вдруг меты -
И в самом сердце высоты
Крыла печальные раскроет.

Так отдан малый прах земной
Небес чудовищному бреду,
Так ад скучает надо мной
Торжествовать свою победу.

76.

* * *

Gieb mir im Schlaf dein Hand...
(не помню откуда)

Дай руку мне во сне.
Мы будем вдвоем с тобою
В овечьей дремою
Странной ночной стране.

Смотри, деревья спят
В пеленах утра мгlistых,
И на огромных листьях
Капли дождя дрожат.

77.

* * *

Легка последняя ступень,
И в седирах печаль светлее,
И примирение блещет день
На смуглом золоте аллеи.

И улыбаясь синеве,
И веселясь червонной тризне,
Внимаю в вянущей листве
Священный трепет Древа жизни.

Примечания

Список сокращений

А -- Аполлон (журнал).

АЛ -- архив М. Л. Лозинского.

ВОЯ -- "Василеостровские ямбы", рукописная книга В. К. Шилейко (в составе АЛ).

Всходы вечности -- Всходы вечности: Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В. К. Шилейко. М., 1987.

Г -- Гиперборей (журнал).

ИРЛИ -- рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

НБП -- Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. (Новая библиотека поэта).

ПП -- "Пометки на полях", макет книги В. К. Шилейко (в составе АЛ).

РНБ -- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

С -- Сирена (журнал).

СД -- собрание А. Л. Дмитренко (С.-Петербург).

СЗ -- Северная Звезда (журнал).

СМ -- сборник восьмистиший из собрания А. Ф. Маркова (Москва).

Топоров -- Топоров В. Н. Две главы из истории поэзии начала века: 1. В. А. Комаровский. 2. В. К. Шилейко // Russian Literature. 1979. Vol. VII-VIII. С. 249-326.

ТП -- Тринадцать поэтов. Пг., 1917.

ФА РНБ -- Фонд А. Ахматовой в РНБ (No1073).

Через время -- Шилейко В. К. Через время / Сост. Т. И. Шилейко. М., 1994.

ЧТ -- черновая тетрадь В. К. Шилейко (в составе АЛ).

"Фонд" В. К. Шилейко в архиве М. Л. Лозинского является самым значительным по полноте собранием авторских материалов 1914-1918 годов. Понятно, почему "фонд" сложился именно здесь: Лозинский был другом автора, высоко ценил его поэтический дар, и в то же время -- редактором и издателем, содействовавшим всем публикациям стихов Шилейко в периодической печати, готовившим к изданию книгу его стихов. Архив отражает эволюцию Шилейко-поэта во время его наибольшей творческой активности -- с 1913 по 1917 год. Материалы -- черновые и беловые автографы, копии, рукописные книги -- дают

возможность проследить историю создания большинства стихотворений от ранних редакций к окончательному тексту.

Существенным обстоятельством является то, что стихотворения в архиве в большинстве случаев датированы, часто -- полной датой. В. К. Шилейко напечатал почти половину написанных в те годы стихотворений в журналах "Гиперборей", "Аполлон", "Северная Звезда", "Сирена" (Воронеж) и в альманахе "Тринадцать поэтов" (публикация в альманахе "Весенний салон поэтов" была перепечаткой из "Аполлона"); во всех журнальных публикациях стихотворения помещались без дат. Некоторые даты были восполнены в посмертных публикациях {1}, но пробелы преобладали, и они оставались естественным препятствием к проведению биографических параллелей, выяснению соответствий между временем появления стихов Шилейко и его друзей -- Ахматовой, Лозинского, Гумилева, Мандельштама. Теперь, с помощью дат, эти соответствия могут быть установлены.

Основания для косвенных датировок дает черновая тетрадь (ЧТ), заполнявшаяся с сентября по декабрь 1914 года. В нее также перебелены два стихотворения 1913 года -- "Ничего не просил у Бога...", "И когда вечерние тени..." (и, вероятно, записанное набело "Опять, опять ты появился!.." также было написано несколько раньше, см. примеч. в наст. изд., с. 142). Помимо черновиков завершенных стихотворений, в черновой тетради имеются наброски нереализованных замыслов (до двух строф). Несколько незавершенных черновых набросков сохранилось и на отдельных листах. Приводим два из них, сохраняя авторские отточия, означающие пробелы. Первый интересен как пример поиска в области стихотворной формы:

.....

.....

Если б угадала ты.

Кому взрастил я эти все лилеи!

Белизны цветов белей

Морские лаллы в раковинах черных, -

Ты -- и жемчугов белей,

Блаженней снега на вершинах горных.

Два крыла даны тебе,

И ты раскрыла светлые -- и где ты?

Из родной страны тебе

Мои слышны ли бедные приветы?

.....

.....

.....

.....

Второе стихотворение, возможно, было завершено: М. Л. Лозинский посылал его (или цитировал в письме) Гумилеву на фронт, что выясняется из невыделенной цитаты (курсивом выделено нами) в ответном письме Гумилева от 2 января 1915 года: "И мэтр Шилейко тоже позабыл о моей

"благоухающей легенде". КАКИЕ ТРУДЫ Я ВЕРШУ, КАКИЕ НОШУ ВЕРИГИ? Право, эти стихи он написал сам про себя и хранит их до времени, когда будет опубликован последний манифест, призывающий его одного" {2}.

Спокойно и сознательно живу:
Вершу труды, крепясь ношу вериги,
И, тонким сном забывшись наяву.
Порой люблю читать немые книги.
И вдруг приходят, говорят: "Войны
Гроза идет! <пробел> народам!"
Что ж, я готов. Я -- верный сын страны,
Меня вскормившей молоком и медом.
Меня берут отдела и от книг.

.....
.....
.....

Спокойно сознаю, что я умру:
Я не умею делать дело боя...
И только жаль, что в красную дыру
Душа и книг не унесет с собою.

.....
.....

Я не герой, я -- только сын страны,
Меня вскормившей молоком и медом.

Для сравнительно большого числа рукописей использовались бланки журнала "Аполлон", что является основанием для датирования этих автографов Шилейко временем после 1913 года, когда М. Л. Лозинский стал секретарем журнала и его друг получил доступ к редакционным бланкам. Среди них есть черновые; на нескольких беловых автором даны варианты -- М. Л. Лозинскому для выбора, с пометками и правкой последнего, -- еще одно косвенное свидетельство тому, как высоко ценился друзьями литературный вкус Лозинского. В архиве имеются также корректурные гранки публикаций В. К. Шилейко в "Гиперборее" и "Аполлоне" и большой корпус машинописных копий.

Особенный интерес представляют три рукописные книги Шилейко. Рукописный макет предназначенной к печатанию книги "ДИПТИХОС (греч)" <Диптих> (1915) как бы воплощает отношения "триумвиров" Гумилева, Лозинского, Шилейко (о "триумвирате" см. в предисловии, с. 10). Книга должна была включать в себя по одному стихотворению двух авторов -- Лозинского и Шилейко и была посвящена третьему. Гумилеву. Напечатать книгу предполагалось также в трех экземплярах -- именных, сведения об этом помещены на обороте титульного листа и последней стороне обложки. Ниже названия -- подзаголовок: "Две эпитомы" {3}. Местом издания указан "В<асильевский> 0<стров>", годом -- 1915. Ниже

заголовка помещены имена авторов, посвящение размещено на шмуцтитуле. Далее следуют: первым -- стихотворение Лозинского "То был последний год..." с датой: 15.XIII (так!) 1914 (на приложенном к макету автографе дата другая -- 4 октября 1914), вторым -- "Есть вера духа..." Шилейко с датой: 8 марта 1915.

Следующая по времени рукописная книга Шилейко общего названия не имеет, условно называем ее по первому разделу -- "Василеостровские ямбы". Время создания ее, по косвенным данным, также 1915 год, но несколько позже "ДИПТИХОС (греч)", так как "Есть вера духа..." в ВОЯ уже получила подзаголовок "Вторая эпитама". Все вошедшие в нее стихотворения представлены без дат. Книга состоит из двух разделов. Первый -- под названием "Василеостровские ямбы" и с посвящением М. Л. Лозинскому, сюда вошли: "Васильевский остров" ("Здесь мне миров наобещают..."), "Другу" ("Смущенно думаю о нем..."), "Подарок" ("Томительно люблю цветы..."), "Черное солнце" ("Как бы обмануто собой..."), "Метеорит" с подзаголовком: "Вторая эпитама" ("Есть вера духа..."). Второй раздел -- под названием "Marginalia", в него вошли: "Еще болезненно-свежа..." (эпиграф: "Так беспомощно грудь холодела..."), "Ужель "не поднимая глаз"?.." (эпиграф: "И дал мне три гвоздики. Не поднимая глаз..."), "Его любовь переборолась..." (эпиграф: "Подарилась поздняя отрада/ Всё на свете разлюбившим взорам").

Макет последней по времени книги. "Пометки на полях" (ее название тождественно названию раздела в предшествующей - "Marginalia" {4}), был создан в 1916 году; подробнее о ней говорится в примечаниях.

Первый раздел нашего издания воспроизводит макет этой книги. Во второй раздел -- "Дополнения" -- включены остальные стихотворения В. К. Шилейко. За пределами настоящего издания остаются, по учтенным нами сведениям, стихотворения "Смейтесь надо мною. Я ведь побежденный...", "Сегодня день так бурно снежен..." (оба, вероятно, юношеских лет), шуточный "Экспромт", "В жизни надо быть цепкой..." (написанное "на случай"?) -- все из семейного архива Шилейко; стихотворение "Моя причуда безымянна..." (находится, в составе сборника, в собрании А. Ф. Маркова). Учтенные В. Н. Топоровым незавершенные наброски "Уйти? Или остаться? Кто ты?..", "'Отче" прочитаю..." {5} приведены нами в примечаниях к стихотворению "Тысячелетний шаг вигилий...".

В работе над текстами учтены также автографы из семейного архива Шилейко, фондов РГАЛИ, РНБ и частных собраний. В собрании А. Л. Дмитренко находятся оттиски публикаций В. К. Шилейко с дарственными надписями Е. А. Грековой и принадлежавшая ей расклейка печатных текстов стихотворений "Ничего не просил у Бога...", "Она -- бледнее, чем вчера...", "Я думал: всё осталось сзади...", "Ты поднимаешься опять..." с внесенными автором датами и поправками. В собрании А. Ф. Маркова хранится авторский сборник восьмистиший В. К. Шилейко 1916 года, включающий стихотворения "Как путник при конце дороги...", "Увял, увял цветущий мир...", "Моя причуда безымянна...", "И снова с горестной гордыней...", "Живу мучительно и трудно...". К сожалению, мы не имели

возможности познакомиться с этим сборником de visu (А. Ф. Маркову мы благодарны за предоставленную текстологическую информацию), и окончательно решить вопрос о передатировании стихотворения "Как путник при конце дороги...", раньше считавшегося написанным в 1926 году, мы сейчас не вправе. Если дата "1916" для него подтвердится, то тем самым будут поставлены под сомнение даты нескольких стихотворений, известных по письмам Шилейко к жене, В. К. Андреевой-Шилейко, 1920-х годов и снова приобретет актуальность сообщение первого исследователя творчества В. К. Шилейко, Ю. М. Гельперина: "Согласно некоторым свидетельствам современников, в 1920-е годы Шилейко вовсе не писал лирических стихов и даже декларировал свой отказ от лирики" {6}.

Вошедшие в публикацию тексты представлены в их основных (окончательных) авторских редакциях {7}. Другие редакции и варианты даются выборочно в примечаниях. Те источники текстов, местонахождение которых в примечаниях не указано, находятся в АЛ. Все тексты печатаются в соответствии с нормами современной орфографии. Сохранены некоторые особенности пунктуации оригинала.

{1} В. Н. Топоров привел даты нескольких известных стихов и впервые напечатал три стихотворения по копиям из архива Лозинского (Топоров. С. 285 и следующие).

{2} Гумилев Н. В огненном столпе. М., 1991. С. 244.

{3} Эпитома -- краткое извлечение из труда более обширного, составлявшееся эпитоматором; многие сочинения древних авторов известны теперь только в эпитамах.

{4} Здесь уместно вспомнить об оказавшейся диагностически точной характеристике, которую В. Н. Топоров, еще не знавший наших материалов, дал поэтической установке Шилейко: "...сознательный выбор маргинальной позиции, дающий поэту право остаться в стороне от злобы дня и литературной полемики, избрать независимое, свое место вне направлений и мод <...> в надежде на справедливый, хотя и скромный суд будущего..." (Топоров. С. 284).

{5} Топоров. С. 325.

{6} Гельперин Ю. М. О поэтическом наследии В. К. Шилейко // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 76.

{7} По причинам, оговоренным выше, мы не считали возможным учесть редакции сборника из собрания А. Ф. Маркова при определении основного текста вошедших в него стихотворений; эти редакции мы помещаем в примечаниях соответственно информации, предоставленной владельцем.

"Пометки на полях"

"Пометки на полях" были собраны автором, предположительно, осенью (или зимой, но, по датам вошедших в книгу стихотворений, не раньше весны) 1916 года, когда возобновило свою деятельность издательство "Гиперборей", начавшее подготовку "Четок" и (чуть позднее) "Белой стаи" Ахматовой, "Камня" Мандельштама, "Колчана" Гумилева, "Вереска" Г. Иванова, "Облаков" Г. Адамовича, "Горного ключа" Лозинского (четыре последние книги вышли, из-за сложностей финансирования, в издательстве "Альциона"). В эту печатную демонстрацию возможностей "поэтов "Гиперборей"" (по определению В. М. Жирмунского из статьи "Преодолевшие символизм") должна была попасть и книга Шилейко. Подготовка велась М. Л. Лозинским летом 1917 года. Книга была доведена до корректуры, которая была послана автору в Феодосию: об этом известно по переписке Шилейко и Лозинского, приведенной в предисловии. По каким причинам уже находившаяся в типографии книга не вышла, неизвестно. Вполне вероятно, что при подготовке к печати в 1917 году в нее вносились изменения, и, следовательно, рукописный макет "Пометок на полях", сохранившийся в архиве Лозинского, представляет собой первоначальный замысел. Однако этот оригинальный замысел -- не "сборника" собственных, а

Макет книги оформлен В. К. Шилейко полностью: обложка, внутренние титульные листы, на которых размещены посвящение М. Л. Лозинскому и номера разделов (их в книге четыре); тексты стихотворений написаны им собственноручно (места трех стихотворений отмечены начальными или заключительными строками, что оговорено в примечаниях).

Книга в настоящем издании воспроизводится по макету, что в примечаниях к отдельным стихотворениям больше не оговаривается; специально оговорены те несколько случаев, когда в тексты внесены поправки по авторской публикации в альманахе "Тринадцать поэтов", и те три случая, где место стихотворений в макете было только обозначено. Внесенные нами поправки приводят стихотворения к их основным (окончательным) авторским редакциям.

"...И в час, когда тоску труда..."

Впервые: Г. 1913. № 9- 10, в качестве третьей строфы стихотворения "Она -- бледнее, чем вчера...". В Г еще три строфы:

Она -- бледнее, чем вчера -
Полулежала в пестром кресле.
Пока дрожали все
Вечерних вздохов легкой песни.
Над тишиной печальных лиц
Зажглась презрительно и тонко
В свинцовом сумраке ресниц

Слеза капризного ребенка.

.....

Пронзительно поет любовь,
Живет в словах, как в складках шали,
В простом узоре скудных снов
На черном кружеве печали.

Эта редакция из четырех строф -- в автографе, под загл. "Вечерняя песня" и с пометой "22 янв. 1914. Петербург", с разночтениями; в машинописи с пометой "напечатано в "Гиперборее"", с разночтениями, и во второй публ.: СЗ. 1915. No П.

"Здесь мне миров наобещают...".

Впервые: ТП, с эпиграфом: "На Васильевском славном острове...". ЧТ. Автограф, подзагл. "В<а-сильевский> О<стров>", с посвящением М. Лозинскому и пометой "6 октября 1914г. Петербург"; ВОЯ, с тем же загл. Машинопись, вклеенная в корректурные гранки "Аполлона" (1915. No 10) между ст-ниями "Седенький книжный торговец..." и "Я не люблю приветствий черни...", под загл. "Васильевский Остров".

Согласно сведениям Т. И. Шилейко, эпиграф в ТП взят из народной песни Петровского времени:

На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил,
О двенадцати белых парусах.

О переключке со ст-нием О. Мандельштама "Смертный, откуда идешь? - Я был в гостях у Шилейки..." из "Антологии античной глупости" см.: НБП. С. 663.

"Смущенно думаю о нем...".

Впервые: ТП, без эпиграфа. Печ. с поправками по ТП. В ПП ст. 7-8: Там ионический излом Украшен листьями аканфа. Две редакции в ЧТ, обе под загл. "Эврипид", без эпиграфа. Здесь в первой редакции ст. 1-2: С печалью говорю о нем: Скульптурней всех и всех пьянее; ст. 6: Творенье -- говорили -- Ксан-фа. Беловой автограф, с тем же загл., без эпиграфа, с пометой: "6 октября 1914. Петербург". Здесь ст. 4: Один на улицах Элей; ст. 6-8: Созданье -- помнится -- Бианта: Там ионический облом Увенчан листьями аканта. ВОЯ, под загл. "Другу", без эпиграфа. Эпиграф -- из ст-ния О. Мандельштама "Автопортрет" (1914).

Всех хмельнее. Ср. в инскрипте Ахматовой (на "Tristia" Мандельштама): "Вольдемару Шилейко книгу светлого хмеля и славы..." (Звезда. 1991. No 2. С. 121). Сочетание топонима Элея (города в Италии и Малой Азии) с именами Ксанфа (самый известный -- Ксанф Лидийский, автор "Истории Лидии") и Бианта (один из "семи мудрецов", упоминается в "Истории"

Геродота в рассказе о Крезе, см. примеч. к ст-нию "Томительно люблю цветы...", с. 137) ясной интерпретации не поддается.

"Его любовь переборолась...".

Впервые: СЗ. 1915. № 14, с посвящением М. Лозинскому. А. 1915. № 10, с таким же посвящением, в цикле "Восьмистишия", 1. Беловой автограф, без эпиграфа, с датой, с вариантами ст. 3-4: И странно слышу мертвый голос Зовущий в радостный удел; ст. 7-8: Так на темнеющем пути Ловлю слова прошедших мимо. На обороте -- ст-ние "Память сердца" ("На сердце опять захолонуло..."). Беловой автограф с пометой "23 сентября 1914. Петербург", под эпиграфом -- имя автора: М. Лозинский. Машинопись с посвящением. ВОЯ, с эпиграфом:

Подарилась поздняя отрада
Всё на свете разлюбившим взорам.

"Люблю живую суету...".

Печ. впервые. Эпиграф -- из "Скорбных элегий" Овидия (кн. 5, поел. 13, ст. 5): "Много уж дней меня боли в боку жестоко терзают" (пер. С. Шервинского). Выбор эпиграфа обусловлен, очевидно, болезнью В. К. Шилейко.

"Еще дрожат пустые воды...".

Впервые: ТП, без эпиграфа, под загл. "Лебедь". Печ. с поправками по ТП в ст. 5-6, в ПП соответственно: Прости!.. Устам равнодушным Дозволишь скорбное "летит"? Эта (ранняя) редакция отразилась в АЛ еще в двух источниках: в автографе (вписано в отдельный оттиск А (1915. № 10)), без эпиграфа и загл., с датой "29 февраля 1916", и в автографе цикла "Восьмистишия" из двух ст-ний (второе -- "Живу томительно и трудно..."), под загл. "Лебедь". Другая (поздняя) редакция, где ст. 5-6 соответствуют ТП, -- в автографе на бланке "Аполлона", под загл. "Улетающему". Здесь строфа 1:

Неугомонный, торопливый,-
Вчера каким спокойным был!
Так вот он, подлинно-счастливый.
Крыла шумящие раскрыл.

Эпиграф -- из ст-ния Н. Гумилева "Памяти Анненского":

Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

"Еще болезненно-свежа...".

Впервые: Топоров. С. 317, с разночтениями, без эпиграфа и даты. ЧТ, с датой, без эпиграфа. Здесь ст. 4 первоначально: Изнемогала в долгой муке.

Ст. 8: Как ветер смерти носит стрелы. Беловой автограф с пометой "4 сентября 1914. Псков"; под эпиграфом имя автора: Анна Ахматова. ВОЯ, с эпиграфом, здесь ст. 8 соответствует ЧТ. Эпиграф -- из ст-ния Ахматовой "Песня последней встречи" (29 сент. 1911).

"Кругом не молкнет птичий голос...".

Впервые: А. 1915. Но 10, в цикле "Восьмистишия", 2, под загл. "В манере Тютчева", без эпиграфа. Эпиграф -- из ст-ния Тютчева "Весенняя гроза".

"Я не ищу приветствий черни...".

Впервые: А. 1915. Но 10, в цикле "Восьмистишия", 4, без эпиграфа. Машинопись, без эпиграфа и даты. Здесь и в А ранняя редакция ст. 1: Я не люблю приветствий черни. Перевод эпиграфа: Презираю невежественную толпу (Гораций. Оды, 3, 1, 1). Сурова бедная порфира. Реминисценция из ст-ния О. Мандельштама "Петербургские строфы" (1913): И государства крепкая порфира. Как власяница грубая, бедна (Топоров. С. 298).

Иов II, 9 ("Ничего не просил у Бога...")

Впервые: Г. 1913, Но 9-10. Здесь ст. 7: Похули Господне Имя. Ст. 11-12: А холодная ночь одежды Уронила на мокрый песок. ЧТ. В беловом автографе с пометой "Весна 1913. Петербург" и в машинописи текст, с мелкими отличиями, соответствует ПП. В наборной рукописи Г и второй публ.: СЗ. 1915. Но 11 текст соответствует первопечатному.

Ст-ние является переложением соответствующего загл. текста Библии: "И сказала ему жена его: ты все еще тверд в вере твоей! Похули Бога и умри" (синодальный перевод).

Иезекииль, XXXVII, 1-3 ("Неживые, легли в песках...")

Впервые: А. 1915. Но 10, без загл.. в цикле "Арабески", 2. Здесь и в наборной рукописи (с пометой С. Маковского о наборе) ст. 16: Но слепыми простерты ниц. В АЛ также машинопись, под загл. "Самум", с разночтениями.

Ст-ние является переложением соответствующего загл. текста Библии: "Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля,- и оно было полно костей,- и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и они весьма сухи.

И сказал мне: сын человеческий! Оживут ли кости сии? -- Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это" (синодальный перевод).

Львиная старость ("Неоскудевшею рукой...").

Впервые: А. 1915. Но 10, без посвящения и загл., в цикле "Арабески", 1. Здесь а. 8: Пером записывает в книги. Автограф без загл. и посвящения, текст соответствует ПП; наборная рукопись А, с пометой С. Маковского о наборе, текст соответствует первопечатному.

"Влачится -- у! -- через волчец...".

Впервые: А. 1916. No 3, под загл. "Юродивая". Печ. по тексту А, без загл. (в ПП загл. не дано, место ст-ния означено двумя первыми стихами). Беловой автограф с датой "24 февр. 1916 г.", без загл. Здесь ст. 10-12:

Как будто смерть ее забыла...
А в венах вздорного стиха
Смола бессмертия застыла.

Беловой автограф с той же редакцией ст-ния (ст. 11 читается: А в жилах вздорного стиха). Беловой автограф на внутренней стороне конверта с адресом М. Лозинского, с правкой. Здесь версии ст. 11: "Как будто образ жениха" и "Туманный образ жениха"; ст. 12: "В туманах утренних забыла" и "В туманных сумерках забыла", рукой М.Лозинского зафиксирован (предложенный им?) текст: Как будто имя жениха Не вознесла и позабыла. В наборной рукописи А -- под загл., текст а. 11-12 соответствует зафиксированному М. Лозинским в предшествующем источнике.

В ст-нии дан образ Анны Ахматовой.

"Томительно люблю цветы...".

Впервые: СЗ. 1915. No 10, затем: А. 1915. No 10, в обеих публ. под загл. "Подарок". ЧТ. В наборной рукописи А и ВОЯ под тем же загл. Печ. по тексту А, без загл., согласно ПП, где место ст-ния обозначено начальными и заключительными строками (с датой). В СЗ с разночтениями в ст. 4 ("Зеленой дышащие кровью") и в ст. 7 ("Священных лилий, чья душа"). Пафосских лилий. Пафос -- город на Кипре, легендарное место рождения Афродиты. Палладий. Здесь -- сокровищница. Фаон -- по позднейшей легенде, возлюбленный Сафо, из-за любви к которому она бросилась в море со скалы; письмо Сафо к Фаону Овидий включил в "Героиды". Легендарная история встречи царя Лидии Креза и афинского законодателя Солона изложена в "Истории" Геродота (кн. 1), однако "подарок" Креза Солону -- поэтическая вольность В. К. Шилейко.

Лилии ("Сияя светом диадем...").

Впервые: А. 1916. No 3. Печ. по тексту А: в ПП место ст-ния обозначено последней строкой, с датой. Два автографа с правкой, на бланках журн. "Аполлон", один из них -- вместе со ст-нием "Не всё ль, что в юности умел...". Наборная рукопись с датой "22/II 1916 г.", с пометой редактора: "Спешно! "Аполлон" No 2, корпус -- набор. С. Маковский". В источниках АЛ последняя строфа представлена ранней редакцией:

Они глядят -- и меркнет свет,
И вся душа -- в руках печали:
Такого дома в мире нет,
Где никогда не умирали.

В одном из автографов версия двух последних стихов: Такого сердца в мире нет, Кого лучи не посещали. Текст последней строфы в окончательной редакции записан в АЛ отдельно на бланке журн. "Аполлон".

"Седенький книжный торговец...".

Впервые: А. 1915. No 10, без эпиграфа, с разночтениями, в цикле "Восьмистишия", 3. Машинопись с правкой; корректурные гранки (здесь без эпиграфа). Эпиграф (на франц. языке) в переводе соответствует двум последним строкам ст-ния.

"...Как бы обмануто собой...".

Впервые: Новое литературное обозрение. 1994. No 8. С. 212, в статье И. Кравцовой "Анна Ахматова в Фонтанном Доме", где напечатано по автографу ИРЛИ (Ф. 4957. XXXVI6. Ед. хр. 49), с разночтением в ст. 3: Какою черною судьбой. В Через время (с. 49) под загл. "Затмение". Датирующая запись на обороте автографа: "Михайловское, Московской губ., гр. С. Д. Шереметева. Летом 1916 г." относится к времени создания автографа, так как ст-ние было включено уже в ВОЯ (1915), под загл. "Черное солнце".

"Распался в прах перед огнем...".

Печ. впервые. См. примеч. к ст-нию "Увял, увял цветущий мир..." (наст, изд., с. 149).

"Ты замечал, как в вечер строгий...".

Печ. впервые. Хариты -- в греческой мифологии благотворительные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни.

"Живу томительно и трудно...".

Впервые: Топоров. С. 322, без эпиграфа. Два автографа, без дат и эпиграфов, текст совпадает с ПП, один из них в цикле (второй) со ст-нием "Еще дрожат пустые воды...", второй -- на бланке журн. "Аполлон". Другая (ранняя?) редакция в автографе ФА РНБ (ед. хр. 544), напечатана: Лит.обозрение. 1989. No 5. С. 41 (публ. Н. А. Богомолва). Здесь ст. 1: Живу мучительно и трудно; ст. 3: Но, посещен судьбиной чудной. В СМ ст. 1: Живу мучительно и трудно. Заключительная строфа (с ошибочной датой "1914") была вписана автором в альбом Ахматовой (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 175).

Эпиграф -- из ст-ния Ахматовой "Ведь где-то есть простая жизнь и свет..." (23 июня 1915).

Дополнения

"Кровавость губ, покрашенных кармином...".

Впервые: Через время. С. 24. Печ. по автографу: РНБ. Ф. 1033 (Э. О. Визель). Ед. хр. 250. На обороте титульного листа книги Вс. Курдюмова

"Пудренное сердце" (1913) с (владельческой?) подписью В. Г. Гартевельд. Под текстом в скобках помета В. К. Шилейко и дата записи: (Злые стихи о старинной даме) 12.111.1913. Pendant. Здесь: часть целого [произведения искусства], соответствующая другой (другим) по сходству или контрасту (фр.). Rose d'Orsay -- марка духов. [Omnia] Vincit Amor- [Всё] побеждает любовь (Вергилий. Эклоги, X, 69).

Вечернее ("...И когда вечерние тени...")

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ). В ЧТ белой автограф с датой, с разночтениями.

"Ужель "не поднимая глаз"?..".

Печ. впервые по ВОЯ. Беловой автограф ранней редакции. Беловой автограф на бланке "Аполлона" с правкой (приводящей к окончательному тексту) и вариантами, оба без дат.

Эпиграф -- из ст-ния Ахматовой "...И на ступеньки встретить..." (1913), впервые опубликованного: Г. 1913. No 5.

"Я думал: всё осталось сзади...".

Впервые: Г. 1913. No 9-10. Печ. по этой публ., с пунктуационными поправками по второй публ.: СЗ. 1915. No 11, дата и помета -- по беловому автографу (АЛ, под загл. "Суббота"). Наборная рукопись Г с пометой автора: "Вл. Шилейко. Прежде бывший студент Университета", здесь ст. 22: Вот проклял вещую работу; ст. 24: Встречай, жених, свою Субботу!.. В корректурных гранках текст исправлен автором соответственно печатному. Машинопись с пометой М. Лозинского: "Напечатано в Гиперборее". В ст-нии аллюзии на Библию: "Суббота" -- на мессию, "жених" -- на притчу о десяти девах (Мф, XXV). Над Иовом я теплил свечи. Переложение из Книги Иова помещено в том же выпуске "Гиперборея" (ст-ние "Ничего не просил у Бога...").

Триолеты ("Михаиле Леонидыч, где ты...").

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон"). Датируется по содержанию, предположительно, июлем 1914 г.

Теоретической погудке /Найдется вторить Мандельштам.

О. Мандельштам был автором программных статей в А -- "О собеседнике" и "Франсуа Виллон" (1913. No 2, 4), появившихся вслед за манифестами акмеизма Гумилева и Городецкого в No 1 журнала, и неопубликованного в то время "Утра акмеизма" (начало 1914 г.), см. примеч. к ним в кн.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990 [Лит. памятники]. Ср. также в записи дневника П. Лукницкого: "Все люди, окружающие Николая Степановича, были им к чему-то предназначены <...> Например, О. Мандельштам должен был написать поэтику" (Звезда. 1991. No 2. С. 112).

"Уста Любви истомлены...".

Впервые: А. 1915. No 10. Печ. по этой публ. с исправлением "сиянье" на "сияньи" соответственно наборной рукописи; датируется по местоположению в ЧТ, где представлено незавершенным (без ст. 3-4) черновиком. Здесь ст. 1: Истомлены глаза любви. Ст. 5-8:

И трудно верить, что она
В пирах ликующего света
Извечной тьмой напоена
И ветхим воздухом одета.

Ст. 9-10: И так поет и тлеет плоть Но верим верой необманной. Ст. 13-15: Она над дольней суетой Взойдет стезею непостыдной Благословенною Звездой. В наборной рукописи с поправкой в ст. 1: "Глаза" исправлено на "Уста". Корректурные гранки А.

В ст-нии дан образ Анны Ахматовой; обсуждалась его связь со ст-нием Ахматовой "Косноязычно славивший меня..." (1913), см.: Топоров. С. 295.

Муза ("Ты поднимаешься опять...").

Впервые: А. 1914. No 6-7. Печ. по беловому автографу (АЛ), где текст соответствует первопечатному. Во второй публ.: СЗ. 1915. N; 9 -- с иным написанием слова "Сердцем" (с прописной). Машинопись, с другой (ранней?) редакцией ст. 8: Неназываемого слова. В. Топоров учел "рукопись в частном архиве" под загл. "Вдохновение" (Топоров. С. 286).

В ст-нии дан образ Анны Ахматовой. Близкое редакции ст. 8 "невспоминяемое слово" цитировал Н. Гумилев в рец. на "Горный ключ" М. Лозинского (А. 1916. No1), см.: НБП. С. 557 (примеч. 102, здесь же о переключке со ст-нием О. Мандельштама "Я слово позабыл, что я хотел сказать...").

Память сердца ("На сердце опять захолонуло...").

Печ. впервые по беловому автографу в АЛ. ЧТ, с обширной правкой. Беловой автограф первонач. редакции, на одном листе со ст-нием "1914", с пометой (при дате): "В вагоне", с правкой. В ЧТ редакция ст. 5-6: Это ты в невидящие очи Пыльными повеяла шелками.

1914 ("Лети, летящая, лети!..")

Печ. впервые по автографу (АЛ, на одном листе со ст-нием "Память сердца"). Ст-ние вызвано вступлением России на арену Первой мировой войны. Чермное море -- библейское название Красного моря. Бездна бездну наведет. Звериным голосом зывая. Парафраз 41-го псалма: "Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною" (синодальный перевод).

Delirium ("Еще не порываю нить...")

Впервые: Топоров. С. 317, без эпиграфа и даты. Печ. по беловому автографу (АЛ). ЧТ, с датой. Источник эпиграфа не установлен. Delirium - бред (лат.).

"Опять, опять ты появился...".

Печ впервые по ЧТ (записано набело). Датируется по местоположению в ЧТ. Здесь Пушкин в древности родился. Вероятно, ст-ние было написано в пушкинских местах Псковской губернии -- пребыванием во Пскове помечено ст-ние "Муза" (4 сентября 1914).

Вечернее ("Глаза, не видя, смотрят вдаль...").

Впервые: СЗ. 1915. No 9, затем: А. 1915. No 10. Печ. по тексту А, с пунктуационными поправками, датой и пометой по автографу. В ЧТ ранняя редакция из четырех строф; вариант второй строфы:

И отчего? Не помню сам:
О чем-то размышлял сначала,
Потом -- задумался, а там -
Уже душа, смутясь, молчала.

Беловой автограф с редакцией (ранней) из четырех строф, с датой, без загл. Беловой автограф с редакцией (допечатной) из трех строф, почти совпадающей с первопечатной, под загл. "Сумерки", с датой, пометой и посвящением .С. А. Краевской-Шилейко (первой жене В. К. Шилейко).

"Все вечера томительны и жгучи...".

Печ. впервые по автографу (АЛ), второе в цикле со ст-нием "Глаза, не видя, смотрят вдаль...". В этом автографе с обширной переработкой: заменен эпиграф, первоначальный: ""Косноязычно славивший меня" Анна Ахматова"; зачеркнута третья строфа:

Значит, пора заговорить о горе, -
Помнишь: молился тогда при луне?..
Рано на белых крыльях кану в море -
Жадно глотать покой в глубине.

Перевод эпиграфа (С. В. Шервинского):

Целомудренным быть благочестивый
Сам лишь должен поэт, стихи -- нисколько.
Катулл. Стих<отворение> XVI

Софокл ("В смягченном стиле Парфенона...").

Впервые: Через время. С. 52, с разночтением, без загл. и даты. Идентичный текст в автографе ФА РНБ, ед. хр. 1879. Печ. по машинописи (АЛ), датируется по ЧТ, где представлено черновиком с пометой: 6/X, год

устанавливается по местоположению. Софокл -- великий др.-греч. драматург (496-406 до н. э.). В ст-нии названы герои его трагедии "Антигона": Полиник, Креон. Сюжетные линии ст-ния устанавливают связь между феноменом дорического стиля (Парфенон -- в этом архитектурном ордере -- был возведен при жизни Софокла) и идейной основой трагедий Софокла, обнажающей конфликт между этикой в поступках героя и божественным законом (см. ст. 3).

Сафо ("Затяните мне котурны туже!..").

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ). Две редакции текста в ЧТ, во второй ст. 3: В этой Книге, ведающей мужей; ст. 8: Здравствуй, Сафо! в голосе веков! Котурны -- род сандалий с очень высокой подошвой, надевались актерами др.-греч. театра для увеличения роста, для придания фигуре величественности.

Ст-ние обращено, как можно предполагать по тексту, к Анне Ахматовой.

Этой осенью ("Каким еще заговорю с тобою...").

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ). ЧТ.

"Такого пламенного горя...".

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ). Еще две редакции, соотношение между которыми устанавливаются предположительно. Ранняя -- в автографе с посвящением Н. Гумилеву, при дате -- помета "Петербург", из трех строк, с

Все птицы улетели в море.
Моя, без крыл, осталась здесь -
И вот, уж пламенного горя
Не в силах сердце перенести.

Промежуточная редакция представлена в машинописи, в ней, по сравнению с ранней, отброшена заключительная строфа; без даты и посвящения.

"Душа бездетна и убога...".

Впервые: СЗ. 1915. N; 13. Печ. по этой публ. Датируется по местоположению в ЧТ. Снегина (псевдоним, настоящая фамилия Тутковская, в браке Сно) Ольга Павловна (1883-?) -- писательница. Печаталась в "Киевском слове", "Одесских новостях", "Биржевых ведомостях", "Образовании", "Северной Звезде". Автор сборников: На гастролях. Повесть из закулисной жизни. СПб., 1905; Рассказы. СПб., 1911. Т. 1.

"Я помню. Слышишь ли меня?..".

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон"). Датируется по ЧТ.

"Завернувшийся в черное горе...".

Печ. впервые по ЧТ.

"Могу познать, могу измерить...".

Печ. впервые по ЧТ. Явилось откликом на ст-ние Н. Гумилева "Солнце духа".

"Не всё ль, что в юности умел...".

Печ. впервые по беловому автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон", вместе со ст-нием "Сияя светом диадем..."). Второй беловой автограф, с разночтениями, в цикле со ст-ниями "Есть вера духа..." (2) и "Господь мой, видишь..." (3).

Метеорит (Вторая эпитафия) ("Есть вера духа, жадная, простая...").

Впервые в кн.: Голубева О. Д. Автографы заговорили. М., 1991. С. 216, по автографу в экземпляре книги В. К. Шилейко "Вотивные надписи шумерийских правителей" (РНБ), в другой редакции (см. ниже), с эпиграфом из ст-ния Ахматовой: "Косноязычно славивший меня..." (на книге надпись: "Анне Ахматовой посвящает автор. 20 марта 1915"). Печ. по ВОЯ. Ранняя редакция -- в рукописном макете книги "ДИПТИХОС (греч)" (см. преамбулу к примечаниям), с зачеркнутым эпиграфом и правкой. Здесь ст. 1-5:

Есть вера духа, трудная, простая,-
И верность сердца, взявшего свое.
Они вдвоем в другое бытие
Уводят мир, пути переплетая.
Но я не знал ни той свободной веры.

Другая редакция (вероятно, еще более ранняя) -- в машинописи, под загл. "Метеор". Здесь ст. 1-5:

Бывает вера славящего духа -
И вера сердца, взявшего свое;
И если есть другое бытие -
Его ключи двумя таимы глухо.
Но я не знал ни той тревожной веры,

Входило в рукописный цикл (см. предшествующее примеч.).

"Господь мой! Видишь, как Тебе...".

Впервые: СЗ. 1916. N: 1. Печ. по этой публ., с разбивкой на строфы и датой соответственно автографу первоначальной редакции в АЛ (с разночтениями в двух стихах, в цикле с двумя предшествующими ст-ниями).

"Как орлиные крылья, раскрылся Коран...".

Впервые: А. 1915. No 10, в цикле "Арабески", 3. Печ. по этой публ., с исправлением "усилье" на "усильи" согласно автографу в наборной рукописи (здесь пометой С. Маковского о наборе). Автограф первоначальной редакции, здесь ст. 2: Завернувшийся в солнце поклялся о Боге; машинопись, под загл. "Откровение".

Andante doloroso e molto cantabile
(*"Что горестней, что безнадежней..."*).

Печ. впервые по автографу (АЛ, на одном листе со ст-нием "Как небу вешнему -- ликующие грозы..."). Перевод загл.: Умеренно-медленно, горестно и очень певуче (итал. музыкальные термины -- указания исполнителю).

"Как небу вешнему -- ликующие грозы...".

Впервые: Через время. С. 53. Печ. по автографу (см. предшествующее примеч.). Датируется по автографу ранней редакции (текст идентичен первом публ.) в ФА РНБ (ед. хр. 1881). Здесь ст. 1-2 и 8-12:

Как небу летнему -- ликующие грозы,
Как злое золото -- венчанным хитрецам,
.....
Принес убогий дар, -- цветок венка невест.
Как жалко смотрит он, волнением объятый,
Как жадно смотрит он, тревоги не тая!
Безмолвствуя, смущен, так изумлялся я,
Так озирался я на этот мир богатый.

"Больного сердца переливы...".

Печ. впервые по автографу (АЛ, дата проставлена рукой М. Лозинского. На поле помета автора: "Случайно!"). Эпиграф перекликается с последней строкой ст-ния, в переводе: "исчезло, как прошлогодний снег?" (фр.).

"Ее весна плыла когда-то...".

Впервые: Новое литературно обозрение. 1994. No 8. С. 211, в статье И. Г. Кравцовой "Анна Ахматова в Фонтанном Доме". Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 195. Оп I Ед. хр. 5029. Екатерина Павловна Шереметева -- бабушка учеником В. К. Шилейко (см. предисловие), дочь П. П. Вяземского.

"Когда бы я имел лорнет...".

Впервые: Новое литературное обозрение. 1994. No 8. С. 211, в составе статьи И. Г. Кравцовой, записано со слов А. А. Гудовича. Печ. по этому изданию. Явилось ответом на шуточное ст-ние неизвестного автора,

обыгрывавшего безответную влюбленность в Шилейко М. А. Болховитиновой.

"Хозяин скуп, жнецы ленивы...".

Впервые: ТП. Печ. по этому изданию. Автограф первоначальной редакции из трех строф. Здесь ст. 3-10:

И изо всех колосьев нивы
Ни одного зерна не жди.
- Быть может, сеятель когда-то
Мечтал... Не всё ли мне равно?
Всему обещана утрата,
А ТО и ЭТО в НЕЙ -- одно.
И нет сомнительней обузы,
Чем тяжесть вечности -- на миг...

Беловой автограф первоначальной редакции с текстом, почти идентичным предшествующему, -- в ФА РНБ (ед. хр. 1889). Здесь ст. 8: А То ли, Это ли, -- одно.

Зачин ст-ния перекликается с притчей о работниках в винограднике (Мф, XX). В первоначальной редакции -- реминисценция из ст-ния И. Анненского "То и Это".

"Увял, увял цветущий мир...".

Впервые: С 1918. Но 2-3. Печ. по этому изданию, с разбивкой на строфы и датой согласно СМ (здесь с разночтением в ст. 3: Шепните струнам гневных лир). Вторая строфа почти дословно совпадает со второй строфой ст-ния "Распался в прах перед огнем..."

"Как путник при конце дороги...".

Впервые: Через время. С. 64. Печ. по письму Шилейко к жене, В. К. Андреевой-Шилейко, от 19 февраля 1926 г. Датируется согласно СМ (см. преамбулу). В письме ст-ние следует после слов: "На ночь глядя, недалеко и дом: четыре дня тому назад мне минуло тридцать пять лет, половина человеческой жизни прошла".

"И снова с горькою гордыней...".

Печ впервые по автографу (АЛ). Датируется согласно СМ, здесь ст. 1: И снова с горестной гордыней.

"С полуотравой мадригала...".

Впервые: Ахматова А. Поэма без героя / Сост. Р. Тименчик при участии В. Мордерер. М., 1989. С. 326 (без посвящ.). Обоснование выбора текста. Источники различаются только текстом первого стиха. Первый по времени -- автограф АЛ на бланке журн. "Аполлон", дата рукой М. Лозинского, без посвящения, здесь ст. 1: С полуотравой мадригала. Слово "полуотрава" (и

ряд слов в других стихах) подчеркнуто Лозинским как не вполне удовлетворительное. Во втором беловом автографе АЛ, с посвящением и датой, ст. 1: С полуобманом мадригала. Затем Шилейко вернулся к первоначальной редакции (два автографа в ФА РНБ, ед. хр. 1886). В этой же редакции стихотворение вписано на обложку отдельного оттиска статьи "Две досаргоновские таблетки..." (см. примеч. 32 к предисловию), подаренного 25 мая 1917 г. Е. А. Грековой (СД). Печ. с посвящением согласно второму автографу АЛ. Татьяна Борисовна Лозинская (1885-1955) -- жена М. Л. Лозинского, о ней см.: Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 485. Сэр -- плодородная долина в Палестине, упоминается в Книге Песни Песней Соломона. Поля Иосафата. Подразумевается, должно быть, долина Иосафата (между Иерусалимом и Масличной горой).

"Последним дням не прекословь..."

Печ. впервые по автографу (АЛ, с правкой, дата рукой не установленного лица).

"В простосердечии, на воздухе целебном..."

Впервые: С 1918. Но 2-3. Печ. по этой публ. Беловой автограф первоначальной редакции, был послан М. Л. Лозинскому при письме от 5 июня 1917 г. (см. примеч. 56 к предисловию, с. 44). Реалии ст-ния связаны с пребыванием В. К. Шилейко в Феодосии. Эшафодаж -- нагромождение (фр.), в русскую поэзию слово введено И. Анненским (ст-ние "Другому").

"Что вспоминать, о чем жалеть?..."

Впервые: С 1918 Но 2-3 (ранняя редакция). Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 13 (А. Ахматова). Оп. 1. Ед. хр. 30. На обороте листа сост-нием Ахматовой "Как страшно изменилось тело...". Помета: 27 апреля 1921. Петербург. Датируется по времени пребывания В. К. Шилейко в Феодосии, с которой связан сюжет ст-ния. В С ст. 1-2: Пора, пора, о чем жалеть? Последний год судьба гадает.

"Тысячелетний шаг вигилий..."

Впервые: ТП. Печ. по этой публ. В АЛ -- черновой автограф незавершенного текста. В ФА РНБ (ед. хр. 1884) -- наброски ранней редакции:

Тяжелый шаг ночных вигилий,
А нам не кончить пировать;
Вино не выпито, Вергилий, -
Читай, о чем хотел читать.
<пробел>
И та же ночь, и та же стража,
И то же грозное вино.
<пробел>

Александрийская роса
На лепестках латинской розы.

На обороте листа -- незавершенный набросок другого ст-ния:

"Отче" прочитаю,
Выйду на порог,
Тихо скоротаю
Вешний вечерок
<пробел>
Милое лицо...
- Если не забыла.
Напиши словцо!

В ФА РНБ, ед. хр. 1888 -- черновые наброски ст. 1-7 (почти идентичные приведенным в № 1884). Здесь ст. 7: "Нам постоянство суждено.". На обороте листа -- следующий набросок:

Уйти? Или остаться? Кто ты?
И почему такая ночь?
Моей немеющей дремоты -
Нет, и тебе не превозмочь.
<пробел>
<пробел> я простодушен,
Уж не один цветок засушен.

Вигилии -- обходы улиц ночной стражей в Древнем Риме.

*Стансы госпоже *** ("Над мраком смерти обоюдной...").*

Впервые: С. 1919. № 4-5, в виде трех ст-ний, соответствующих строфам "Стансов..."; по цензурным условиям ст-ние, как представляется, не могло быть напечатано в соответствующем авторскому замыслу виде. Печ. по автографу (АЛ, ранняя редакция), с поправками (в четырех стихах) по первой публ. В автографе даны варианты; вариант ст. 17-20:

Их нету. В годы роковые
Последним звуком высоты,
Последней памятью России,
Ее мечтой осталась ты.

Обращены к Анне Ахматовой. Ахматова позднее пыталась восстановить текст ст-ния (которое считала ненапечатанным) по памяти, эти ее записи сохранились в архивах ФА РНБ (ед. хр. 545, 546); РГАЛИ (ф. 13), последние см. в кн.: Записные книжки Анны Ахматовой: (1958-1966). М. Torino, 1996. С. 583-584; под одной из записей (с. 584) помета: "1917. С.П.Б. Фонтанный Дом. (Шумерийская кофейня)".

Стихотворения неизвестных лет

"Ты думаешь, свечи скромней горят...".

Впервые: Через время. С. 51. Печ. по автографу ФА РНБ (ед. хр. 1887, на бумаге с маркой "Привала комедиантов").

"В века веков деннице онемелой...".

Печ. впервые по автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон").

Народы Гога и Магога -- цитата из Апокалипсиса (XX: 7).

"Нет, ты только подумай, какая тоска!..".

Печ впервые по автографу (АЛ).

"Поседела, совсем изменилась...".

Печ. впервые по автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон").

Монастырское ("Опасайся вечерних врагов...").

Печ. впервые по автографу (АЛ).

Хокку.

Печ. впервые по автографу (АЛ, на одном листе с "Танка"),

Танка.

Печ. впервые по автографу (см. предшествующее примеч.).

"О чистом жребии моли...".

Печ. впервые по автографу (АЛ). Первая, незаписанная, строка показана отточиями.

"Двенадцать бьет -- и где твоя отвага...".

Печ. впервые по автографу (АЛ, с правкой).

"Не та уж ты, какой была...".

Печ. впервые по автографу (АЛ).

"Теперь оставь и гнев, и нежность...".

Печ. впервые по автографу (АЛ).

"Не потому ли, что один...".

Печ. впервые по автографу (АЛ, на бланке журн. "Аполлон")

"Всё -- тишина, и всё -- покой...".

Впервые: Через время. С. 50. Печ. по автографу (ФА РНБ. Ед. хр. 1880).
Ночь -- фиал Гекубы. Гекуба -- в греческой мифологии жена царя Приама,

героиня драм Еврипида; в мифологии сближается с Гекатой, богиней мрака, ночных видений и чародейства, которая, как можно судить по структуре образа в стихе, вероятнее всего, и подразумевается автором.

"О, этот горький первый том..."

Впервые: Через время. С. 34. Печ. по автографу (ФА РНБ. Ед. хр. 1882).

"Скажи, видала ль ненароком..."

Впервые: Топоров. С. 210. Печ. по автографу из семейного архива Шилейко (на отдельном листе, который был вложен в письмо Шилейко к жене, В. К. Андреевой-Шилейко, от лета 1925 г.). Под текстом помета: "Суханове. -- Я шел от Вас, и ласточка летала над водой". В том же архиве набросок ст. 1-8 ранней редакции (автограф), где ст. 6-8: Узором взроет быстрину, Как бы летейскую глотая Мертворожденную волну. Прокна -- в греческой мифологии жена фракийского царя Терей, отомстившая мужу за то, что тот обесчестил ее сестру Филомелу; спасаясь от мести царя, взмолилась к богам и была превращена в ласточку (вариант мифа).

"Дай руку мне во сне..."

Впервые: Через время. С. 63. Печ. по автографу из семейного архива Шилейко (на отдельном листе, который был вложен в письмо Шилейко к жене, В. К. Андреевой-Шилейко, предположительно 1926 г.). В эпиграфе сохраняем авторское написание немецкого текста. Первый стих является переложением эпиграфа.

"Легка последняя ступень..."

Впервые: Вскоды вечности. С. 126 (с разночтениями и посвящением В. Е. Гиацинтовой). Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2049 (С. В. Гиацинтова). Оп. 3. Ед. хр. 510. Владимир Егорович Гиацинтов -- отец подруги В. К. Андреевой -Шилейко Софьи Гиацинтовой, профессор, заведующий отделом скульптуры в Государственном музее изящных искусств.